

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27:811.161.1

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>

А. В. Сидоренко
Стерлитамак, Россия

Alexey V. Sidorenko
Sterlitamak, Russia

Запрет в системе
речевых и фольклорных жанров

The Taboo in the System of Speech
and Folklore Genres

Исследование посвящено запрету как традиционному речевому жанру, являющемуся заметной частью актуальной речезанровой системы. Запрет как речевой и отчасти фольклорный жанр основывается на системе поверий, передающихся от поколения к поколению, и обеспечивает соблюдение определенных правил поведения, прежде всего – недопущение действий, способных, согласно традиционной картине мира, принести вред нарушителю. Мотивировка запрета носит чаще всего иррациональный (мифологический) характер, предписание предлагает пути нейтрализации негативных последствий его нарушения. При наличии двух последних компонентов жанр имеет трехчастную структуру. Запрет представлен и в традиционной культуре, и в современной речи, в том числе в детской. Это жанр со свободной структурой, однако знающий и элементы клише. В современной русской речи запрет широко представлен, что подтверждается многочисленными примерами из живой устной речи и художественной литературы. По ряду признаков запрет отличается от близкого к нему жанра – приметы. Среди свойственных запрету синтаксических конструкций выделяются прежде всего различные сложные предложения со значением причины, условия, следствия, цели, односоставные неопределенно-личные предложения «генерализованной семантики». Традиционные мотивировки к запретам нередко метафоричны, архаичны, содержат демонологическую лексику, единицы с семами 'смерть', 'болезнь', 'лишение' и т. п. Источником содержания запрета является не субъект, но коллектив, поэтому вербализация его текста совсем не обязательно осуществляется адресантом более высокого статуса. В зависимости от этого параметра в основе речевого жанра запрета могут лежать речевые акты запрета или предостережения.

Ключевые слова: запрет, детская речь, мотивировка, предписание, традиционная культура, фольклор, суеверия, система речевых жанров современности.

The research deals with the taboo as a traditional speech genre, which is a prominent part of the contemporary system of speech genres. The taboo as a speech and partly folklore genre is based on the system of beliefs passed down from generation to generation, and ensures compliance with certain rules of behavior, first of all – preventing actions which, according to the traditional world view, can harm the violator. The motivation of the taboo is most often of irrational (mythological) character, the prescription suggests ways to neutralize the negative consequences of its violation. With the latter two components, the genre has a three-part structure. The taboo is presented both in traditional culture and in modern discourse, including children's discourse. This is a free-structure genre, but it also includes elements of a cliché. In modern Russian discourse, the taboo is widely represented, which is evidenced by numerous examples from spoken language and fiction. On a number of grounds, the taboo differs from a close to it genre – omen. Syntactic constructions of taboo include, first of all, different types of polypredicative sentences with the semantics of cause, condition, consequence, purpose, mononuclear sentences of “generalized semantics”. Traditional motivations for the taboo are often metaphorical, archaic, contain demonological vocabulary, words with the sems “death”, “disease”, “deprivation”, etc. The source of the content of the taboo is not the subject, but the collective, so the verbalization of its text is not necessarily carried out by the addresser of a higher status. According to this parameter, the speech genre of the taboo may be based on speech acts of prohibition or caution.

Keywords: taboo, children's discourse, motivation, prescription, traditional culture, folklore, superstition, the contemporary system of speech genres.

Сведения об авторе: Сидоренко Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

About the author: Sidorenko Alexey Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language.

Место работы: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com

https://orcid.org/0000-0002-9656-6820

Place of employment: Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

E-mail: alexeysidorenkoff@gmail.com

https://orcid.org/0000-0002-9656-6820

Вводные замечания. Суеверия и язык

Суеверия являются неискоренимым спутником жизни человека. Они противоречат как научному, так и религиозному мировоззрению, но активно влияют на речевую практику современности. Примером является модное словоупотребление «крайний» вместо «последний» (ср. аномальные сочетания типа *крайний альбом музыканта, крайняя вахта рабочего, крайняя пара студента*), присутствующее даже ведущим федеральных СМИ (см. перечень примеров такого рода и анализ явления в работе [1]). Следы суеверий в языке многочисленны: это эвфемизмы (*враг* вместо *дьявол* [2: 87]), фразеологизмы – пожелания и предостережения (*тьфу-тьфу, чтоб не сглазить; не к ночи будет сказано; ни пуха ни пера*) и т. п. Суеверия отражаются в массовой культуре (песня «Чёрный кот») и современном фольклоре, где они часто пародируются, высмеиваются:

Женщина – любовнику, с которым ее застиг муж:

– Прыгай с балкона.

– Здесь же тринадцатый этаж!

– Прыгай, сейчас не до суеверий!

Переворот в культурной парадигме, свершившийся под знаменем перестройки, создал благоприятные условия для вторжения самых разных поверий, суеверий и т. п. в картину мира жителя советского, а затем постсоветского пространства. Конкуренция между системами верований и ценностей, предлагаемыми традиционными для России конфессиями, восточными учениями, сектами, лжеучителями, магами, экстрасенсами, телевизионными целителями и т. п., породила изменения и в речевых жанрах русской культуры. Возвращение традиционных церковных жанров массовой аудитории (*отпевание, проповедь, слово* и др.) привело к обоснованию включения в традиционную систему функциональных стилей русского языка и «хорошо забытого старого» религиозно-проповеднического стиля [3]. В согласии с положением М. М. Бахтина о том, что «в каждой сфере речевой деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров» [4: 159], СМИ и книжные издательства стремительно предложили читателю и зрителю систему речевых жанров (далее – РЖ) оккультно-магического и астрологического характера: *гороскопы, предсказания*

(*Нострадамус, Ванга* и др.), *пособия по чёрной и белой магии, телесеансы магии и целительства, заговор* и т. п. Последний, по словам исследователей, «вновь вошел в живую речевую практику» [5: 332]. Однако едва ли правомерно отождествлять его с традиционным *заговором*, поскольку, во-первых, сменилась общекультурная парадигма и произошла перестройка всей системы РЖ (жанры той же сферы, что и *заговор*, – *заклинание, приговор, благопожелание* – находятся на периферии); во-вторых, традиционный *заговор* – жанр особый, часто недоступный профанному носителю языка (в отличие от *заклинания*). Так, нередко налагаются жесткие ограничения на адресанта *заговора* [6: 239], способы передачи таких текстов [7: 53] и т. д. Разумеется, новые колдуны стремятся выдержать стиль текстов *заговора*, который и сегодня выглядит подчеркнуто архаичным [5: 332]. Однако этот РЖ, по-видимому, является вторичным.

Жанр запрета в традиционной культуре

Между тем существует традиционный РЖ, сущностных основ которого, как кажется, не коснулись изменения в русской культуре. Его многовековое существование подкрепляется системой традиционных *запретов*, благополучно передаваемых в России от поколения к поколению в разных идеологических контекстах. Как мы увидим далее, основная масса такого рода *запретов* зафиксирована уже В. И. Далем в «Пословицах и поговорках русского народа» (см. разделы «Человек – Приметы» (том I) и «Суеверия – Приметы» (том II) [8]). Приведем в качестве иллюстрации фрагмент из романа А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2017): «*Мать сказала, что в доме свистеть нельзя, а то не будет денег*». В данном высказывании вербализуется один из общеизвестных в русской культуре *запретов* и его *мотивировка*.

Согласно Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой, *запреты (табу)* – это «система правил, регламентирующих бытовое и обрядовое поведение и хозяйственную деятельность индивидуума и коллектива... <...> особый разряд верований и особый языковой (в определенной степени и фольклорный) жанр. Как правило, запреты имеют двухчастную структуру и состоят из собственно запрета и его мотивировки. Логически, а часто и вербально запрет связан с определенным предписанием,

тогда его формула оказывается трехчастной, например, бел. «когда продаешь корову, не надо передавать ее новому хозяину голой рукой [собственно запрет], иначе не будет плодиться [мотивировка в форме следствия], надо обернуть руку полрой платья [предписание]» [9: 269–270]. Иногда *мотивировку* заменяет рассказ о том, к каким последствиям привело нарушение *запрета*, часто в жанре *былички* [9: 270]. Таким образом, запрету как определенному правилу поведения соответствует *запрет* как особый РЖ, имеющий сложную структуру и состоящий в наиболее развернутом виде из собственно *запрета*, *мотивировки* и *предписания*. Вместе с тем два последних компонента существуют и как самостоятельные РЖ: так, С. М. Толстая отдельно выделяет их среди жанров «свободной структуры» [10: 21]. Отмечено также, что *запрет* и *предписание* выступают как «кантитетическая пара, совпадая по своему жанру и модальности, но различаясь по аксиологическому вектору», подобно *благопожеланию* и *проклятию*, *похвале* и *брани* и т. п. [10: 21].

Жизнестойкость *запрета* как РЖ обеспечивается тем, что стоящие за ним представления, как уже отмечалось, хотя и противоречат религиозному и атеистическому (научному) мировоззрениям, на деле легко уживаются с ними «в душе» обычного человека. По Г. Г. Слышкину, «в картине мира каждого жанра можно выделить один или несколько системообразующих концептов, выражающих потребности носителя культуры, ради удовлетворения которых создается данный жанр» [11: 43]. С этой точки зрения жизнеспособность рассматриваемого РЖ легко объясняется тем, что соблюдение *запрета* обеспечивается страхом перед карой за его нарушение, целью самого жанра является «предотвращение угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний» [9: 270].

Жанр запрета в среде взрослых и детей

Запрет как РЖ присущ детской среде и вполне соответствует детской картине мира. Во-первых, тексты таких «детских» фольклорных жанров, как *волшебная сказка* («*Не пей, козленочком станешь*») и *страшные истории* (в зачине классического «Гроба на колёсиках» мать запрещает дочери включать радио) содержат мотив нарушения *запрета* как важную часть сюжета. Во-вторых, *запрет* основывается на мифологических представлениях, к которым дети особенно чувствительны. Так, едва ли не самая мощная по силе воздействия *мотивировка* ряда детских запретов звучит так: *а то мама умрёт*. Её устойчивый характер связан с тем, что в ней вербализуется

один из самых сильных детских страхов. Мотив возможной смерти матери носит устойчивый характер, о чем свидетельствует его частотность в произведениях разных исторических периодов: «*Неужели когда-нибудь мама умрет – сначала мама – она старше. Как же папа будет без мамы? И все мы без нее?*» (И. М. Дьяконов. «Книга воспоминаний», 1915–1922); «*А вдруг мама умрет*». (Б. С. Житков. «Виктор Вавич», 1941); «*Вторым страданием было другое внезапное откровение: ее мама умрет раньше, чем она...*» (И. Безладнова. «Дина», 2003). Данная формула *мотивировки* предельно проста и потому убедительна: союз *а то* оформляет отношения альтернативной мотивации («передает информацию типа ‘иначе’, ‘в противном случае’») [12: 629] между двумя частями сложносочиненного предложения (либо – двумя соположенными простыми предложениями), соответствующими собственно *запрету* и его *мотивировке*. (Такие конструкции характерны для высказываний со значением опасения [13: 50–51], а также угрозы [14: 107]). Подлежащее *мама* вводит в структуру *мотивировки* субъекта, на которого (как и в традиционных *запретах*) направлено «угрожающее... событие или состояние» [9: 270], а сказуемое *умрёт*, выраженное глаголом в форме будущего времени, указывает на максимальную степень проявления возможных негативных последствий нарушения табу. Эта *мотивировка* присуща ряду характерных для советского детства *запретов*, среди которых особенно памятные: 1. *Нельзя наступать кому-либо на ногу (запрет)*. В случае его нарушения *тот, кому наступили, обязан наступить на ногу нарушителю (предписание)*. Отметим, что нарушитель, всегда заинтересованный в соблюдении запрета, обычно сам в таких ситуациях подставлял ногу. 2. *Нельзя показывать (носить поверх одежды) свой крестик*. 3. Сидя на стуле или табурете, *нельзя болтать ногами*. 4. *Нельзя ходить спиной вперед*. 5. *Нельзя надевать обувь с правой ноги на левую*. См. в повести П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» (1994): «*Один раз я прошелся задом наперед и боялся потом целую неделю, потому что бабушка сказала: “Кто ходит задом, у того мать умрет”. По этой же причине я боялся перепутать тапочки и надеть на левую ногу правый*». (Кстати, по С. М. Толстой, «ходить задом наперед или в одной ноге обутой, другой разутой» – у белорусов к смерти отца или матери [15: 70]).

Приведённые детские *запреты* со временем приобрели, по-видимому, этикетный характер. Рассмотренная *мотивировка* может вводиться в мир детей взрослыми, чтобы

добиться от них определённого поведения, а также в силу её предельной ясности распространяться самими детьми (как и взрослыми) на большое количество запретов: «*В детскую входит бабушка, очень бледная, она говорит, что мама больна и что если мы, дети, будем шуметь и бегать по комнатам, мама умрет*». (А. Щеглов. «Фаина Раневская: вся жизнь», 2003). Ее популярность объясняется и тем, что непросто, используя лишь этикетные/этические категории («некрасиво» и т. п.), объяснить ребёнку, почему нельзя болтать ногами и т. п. Аргумент же о возможной смерти матери принимается некритически (ср. детскую клятву «сердцем матери» [16]). К тому же мотив смерти нарушителя табу или его родственника – один из самых частотных в традиционных запретах [9: 272]. Языковое оформление *мотивировки* «*а то мама умрет*» свойственно детской речи, в речи взрослых оно выглядит чуть иначе: «*Не бей жабу – дождь пойдет/мать умрет*...» [9: 272]. Отметим, что в исследованиях императива *мотивировка* (или «основание», «примыкающее к прескрипции и содержащее ее мотивировки») осмыслена как «один из характерных контекстов императивного высказывания» [17: 18–19].

Детские запреты, как это часто бывает с детскими фольклорными жанрами, наследуют традиционную мифологическую модель, в основе которой – представление о связи между нарушением табу и следующим за ним нежелательным событием. Хотя нередко *запрет* можно объяснить рационально, в этом случае соответствующей будет и *мотивировка*. Так, *запрет* наступать на ногу другому человеку можно объяснить возможностью дальнейшего конфликта: «*Оказывается, драка просто так, без темы. Один нечаянно на ногу наступил, другой стукнул – оба хороши*». (С. Л. Рябцева. «Дети восьмидесятых», 1989). На сайте «Приметы и поверья» этот *запрет* трактуется как *примета* (в силу непреднамеренности самого действия): «*Человек, который наступил на ногу другому, обязательно с ним поругается или же между ними будут испорчены отношения*» (<http://roveriya.ru/chelovek/nastupit-na-nogu/>). Предписание носить крестик поверх одежды священник, отвечая на вопрос читателя журнала «Фома», объясняет благочестием (<https://foma.ru/nado-li-pryatat-natelnij-krestik-pod-odezhdu.html>). *Запрет* качать ногами, сидя на стуле (иногда мотивированный тем, что нарушитель таким образом «*чертей на ноге катает*»; см. у В. И. Даля: *Ногами под лавкой качать – черта тешить*), нередко в речи обходится без *мотивировки* и выступает в контексте иных транслируемых ребёнку правил хоро-

шего тона: «*Мне нельзя было “перебивать старших” и вмешиваться в их разговор, болтать ногами или опускать руку под стол, чтобы погладить дежурившего там пуделя Джека...*». (А. С. Эфрон. «Попытка записей о маме», 1955–1975). Все эти наблюдения подтверждают важную закономерность: между *запретом* и *мотивировкой* нет однозначного соответствия [18: 64].

Среди других детских *запретов* следует особо отметить следующий: *если двое идут вместе и их общий путь оказывается разделённым неким препятствием* (столбом, деревом, урной), *ни в коем случае нельзя обходить его с разных сторон*, поскольку это может привести к ссоре. Поэтому в данном случае предписано *одному из идущих вернуться назад и обойти препятствие либо заблаговременно переместиться вправо или влево*. Иное предписание для такого случая: *нужно дотронуться друг до друга и произнести широко известные формулы-заклинания «Привет-привет на тысячу лет!» или «Привет на сто лет!»*.

О современном бытовании РЖ *запрета* рассказывает следующая история, опубликованная в Интернете:

«Сегодня иду на работу по переходу метро Тёплый Стан. Рядом идёт парень с девушкой таким же шагом. Проходят они небольшой столб. Она с одной стороны, он с другой. Парень подходит к ней, касается руки, и говорит:

– Привет на 100 лет.

Детский сад прямо. Я улыбнулся, иду дальше, а по соседству диалог развивается. Парень ещё раз касается руки девушки и уж вопросительно так спрашивает:

Парень (П): Привет на 100 лет?!/Девушка (Д): .../(П): Ну ты что, мне не скажешь этого?/(Д): Эээ... Чего?/ (П): Ну “привет на сто лет”!/(Д): Эээ... Зачем?! (явно не врубаясь)/(П): Ну ты че, мы же поссоримся, если не скажешь! Видела, ведь столб прошли!/(Д): Да ну тебя, я не верю в эти приметы дурацкие.../(П): Блин, ты мне скажи это, и можешь дальше не верить!!

Тут девушка заметила (наверное), что я иду прислушиваясь, покраснела, и зло так парню шепнула:

– Отстань от меня со своими дурацкими и идиотскими приметами!!!

Короче, пока мы шли по переходу (он длинный) до турникетов в метро, они реально поссорились, причём довольно сильно.) А кто-то говорит, что приметы, это всё фигня?:(» (<http://live4fun.ru/joke/224291>).

Характерно, что здесь *запрет* квалифицирован как *примета*, что можно объяснить большей осмысленностью *приметы* как РЖ в сравнении с *запретом*. Если воспользоваться формулой В. В. Дементьева, «это то “имя жанра”, которое “первым приходит в голову” при опознании» такого рода высказываний

[19: 84]. Есть точка зрения, согласно которой *запрет* является разновидностью *приметы*: так, Н. И. Коновалова выделяет «приметы-констатации, приметы-регламентации, приметы-запреты, приметы-прогнозы и приметы-пояснения» [20: 207]. *Запрет* и *примета* обнаруживают близость и с точки зрения структуры. Так, следующая *примета* у В. И. Даля приводится вместе с *предписанием*: *Соль просыпать нечаянно – к ссоре (причем, чтобы ссоры не было, посыпают просыпанную солью голову)*. *Запрет* и *примета* сближаются и тем, что могут описывать близкие ситуации: *Булавку на себя концом не подымай. Если найденная булавка лежит к тебе головой, вспомнил приятель; если острием к тебе, замышляет враг*. Однако первая формула прямо императивна, а вторая – нет, это скорее информирование, прогноз (в согласии с толкованием *приметы* как «устойчивой связи двух явлений объективной действительности, одно из которых понимается как знак, а второе – как его толкование, обычно в виде прогноза на будущее» [21: 279–280]). *Примета* покрывает ситуации, которые адресатом не контролируются; *запрет*, напротив, направлен на сознательное управление поведением адресата. Если считать, что это один РЖ, то следует признать, что он может быть и императивным, и информативным. Уже в этих кратких размышлениях содержится указание на различие по крайней мере по трем параметрам «модели речевого жанра» Т. В. Шмелёвой [22] (коммуникативная цель, тип диктумного события, образ адресата). Кроме того, *примета* и *запрет* разграничиваются авторами этнолингвистического словаря «Славянские древности» [9; 21].

По нашим наблюдениям, описанные здесь и многие другие *запреты*, усвоенные в детском возрасте, человек нередко стремится соблюдать и во взрослой жизни, во-первых, поскольку *мотивировка* таких запретов, как правило, касается базовых ценностей человеческой жизни – жизни, здоровья, отношений с близкими, материальных благ и т. п., во-вторых, многие из них соблюдаются по привычке или в качестве элемента игрового поведения.

Значительная часть *запретов* существует как во взрослой, так и в детской среде. Так, широко известен запрет «на себе не показывать», иначе *показываемое (обычно увечье) коснется и того, кто показывает*. «По рядам бродил развеселый народ, и только самые сердобольные просили продавцов “на себе не показывать”». («Комсомольская правда», 2002.10.07). Чтобы избежать негативных последствий нарушения табу, иногда предлагается «смахнуть» с себя показанное и «сдуть» это с рук. *Нельзя перешагивать ребенка,*

иначе он не вырастет. Если кто-то перешагнул через ребенка, предписано *еще раз шагнуть в обратном направлении. Нельзя зашивать одежду на себе, иначе нарушителя ждут проблемы в учёбе (мотивировка нередко формулируется как «мозг зашьёшь»*. Ср. у В. И. Даля: *На себе платье зашивать, пуговку пришивать – пришьёшь память*). В качестве *предписания* иногда предлагается «*взять нитку в рот*». Ср. в романе А. Иличевского «Ай-Петри» (2005): «*Вглядываясь, как ныряет в бесчувственную опушку мякоть игла, я невольно прикусываю язык*. Так мне в детстве всегда велела сделать бабушка, когда что-то правила, подшивала на мне. «А то память зашью», – говорила она и сама брала в уголок рта кусок нитки». Нами зафиксирован существовавший в советское время в детской среде *запрет убивать пауков*, мотивированный тем, что иначе «*квартиру не дадут*» (интересно, что паук в традиционной культуре славян выполняет функцию домашнего покровителя [23]). До сих пор повсеместно соблюдаются *запреты передавать и здороваться через порог, есть с ножа* и др.: «*По русскому обычаю через порог не здороваются...*» (М. А. Шолохов. «Поднятая целина», 1959). В России обычно *не купаются* после 2 августа – Ильина дня. В следующем фрагменте интервью с носителем диалекта озвучивается популярная *мотивировка* данного запрета: «*[А почему купаться нельзя?] Вода холодная. Илья пророк, говорить, в реку нассал*» («Ильин день», с. Ярославка, Никифоровский район, Тамбовская область, 2002). Известны студенческие *запреты*, связанные прежде всего с сессионным периодом (*не мыть голову перед экзаменом* и т. п. [20: 287–290]).

Запреты особенно строго соблюдаются во время наиболее важных событий в жизни человека: рождения, свадьбы, смерти, болезни [9: 270]. Так, полна *запретов* похоронная обрядность. К примеру, и сегодня предписано, по формуле В. И. Даля, «*родным не нести покойника, чтоб не подумали, что они рады смерти его*». *Запрет* соблюдается и поныне, но данная *мотивировка* едва ли столь же известна. Поэтому многие *запреты* функционируют в речи без *мотивировки* и *предписания*, которые со временем забываются и утрачиваются. (У В. И. Даля некоторые *запреты* записаны без этих компонентов: *По закате солнца хлебом и деньгами не ссужают*. В современной речи данный *запрет* обычно мотивируется тем, что «*денег не будет*», а в случае его нарушения предписывается *передавать деньги не из рук в руки, а положить на пол*). Это закономерно: многие *мотивировки* не соответствуют кар-

тине мира современного человека (и часто архаичны по лексическому составу). Так, соблюдаемый и ныне запрет «не покидай ножа на ночь на столе» едва ли сегодня может быть всерьез мотивирован формулой В. И. Даля: «лукавый зарежет». Данная мифологическая модель, лежащая во множестве традиционных запретов (ничтожное действие приводит к серьезнейшим последствиям), пародируется в современной устной формуле «Не ковыряй в носу пальцем – будет война с китайцем». Еще один любопытный факт заключается в существовании высказываний-«антидотов», снижающих напряжение в ситуации вынужденного нарушения запрета при отсутствии предписания. Например, незамужней девушке, которая сидит на углу стола, говорят в ответ на чью-либо реплику о том, что она не выйдет замуж: «Выйдешь-выйдешь. Чем вострей (имеется в виду угол стола. – А. С.), тем быстрее». Это тоже явление современное, отражающее более критическое восприятие некоторых традиционных запретов.

Ряд запретов в традиционной культуре касается речевого поведения: запрет говорить, здороваться и благодарить в определенных ситуациях, упоминать некоторых животных и демонологических персонажей, употреблять личные имена [9: 270]. Отсюда «разрешающие» формулы типа «не к ночи будь сказано», произнесение которых является реализацией предписания на случай нарушения «языкового» запрета.

Языковое воплощение РЖ запрета

С. М. Толстая относит запреты к «жанрам относительно свободной структуры», поскольку в них «устойчивым является лишь само передаваемое содержание» [10: 21]. Запреты могут быть сформулированы более или менее вариативно (многие из них автор данной статьи формулирует самостоятельно), ему могут соответствовать разные мотивировки (как мифологического характера, так и этического, иногда этикетного). Так, в традиционной культуре, по В. И. Далию, «хлеб – батюшка, кормилец», поэтому «кроху наземь уронить грешно». Запрет на пренебрежительное отношение к хлебу в русской культуре остался, хотя от мотивировки «грешно» по понятным причинам отказались. Так, в советском детском саду попытки детей кидаться хлебом (и вообще играть с едой) пресекались (см. статью «Кидаться хлебными шариками» в словаре С. Б. Борисова «Русское детство» [24: 590]), широко были представлены тексты-призывы, воспитывающие чувство уважения к хлебу («Хлеб всему голова» и т. п.)

Производитель речи может либо озвучивать общепринятую формулу того или иного запрета, либо самостоятельно его формулировать, тем самым комментируя свои действия (например, прежде чем позвать протянутую руку, переступает порог) адресату, отступающему от предписываемой модели поведения. Если судить по формулам запрета, записанным В. И. Далем, они могут быть представлены разнообразными типами сложных конструкций, где одна из частей выражает собственно запрет, а в другой озвучивается мотивировка: сложноподчиненными с придаточными цели, условия: *Коли ступишь на чужой след, то будут болеть ноги; Не покидать ниток на веретене к воскресному и праздничному дню, чтобы не рвались; Когда сядешь есть, не закрыв книгу, заешь память; бессознательными сложными с причинными, условными и следственными отношениями: Не играй ножом – ссора будет; На себе платье зашивать, пуговку пришивать – пришьешь память; Хлеб – батюшка, кормилец; кроху наземь уронить грешно; Ногами под лавкой качать – черта тешить. В детской речи запрет (с мотивировкой), как отмечалось, нередко выражен сложносочиненным предложением: *Нельзя наступать на ногу, а то мама умрет. Аналогично построен традиционный славянский запрет не переступать старый веник, «а то скотина засохнет»* [18: 63]. Эти наблюдения соответствуют выводам С. М. Толстой о содержательных особенностях мотивировок, которые могут выражать цель (с помощью союзов *чтобы, для того, чтобы*), причину (*потому что, так как, ибо, поскольку*) и следствие (*а то, а не то, иначе*), при этом такие конструкции легко преобразуются одна в другую (целевая – в следственную и т. д.) [18: 60]. Мотивировка может быть выражена и «сокращенно – предложной конструкцией с целевыми и другими предложениями» (например, «для здоровья») [18: 61], тогда формулировка запрета (вместе с мотивировкой) будет соответствовать простому предложению. Иногда мотивировка заключена в слове с оценочным значением, тогда конструкция также будет простой: *Грешно обувать левую ногу наперед правой. Если мотивировка отсутствует, запрет формулируется с помощью простых, нередко односоставных «неопределенно-личных предложений генерализованной семантики»* [25: 127], например: *По закате солнца хлебом и деньгами не ссужают.* («Субъект в таких предложениях имеет обобщенное значение, представляет человеческий коллектив. Конкретный адресат акта побуждения рассматривается как один из множества и, следовательно, входит в «объем» субъекта» [25: 127]). Иногда запрет выражен*

в определенно-личных конструкциях с прохитивом: *До утренней зари не гляди в окно. Булавку на себя концом не подымай.* Возможны инфинитивные конструкции: *Через порог не здороваться, не беседовать;* безличные: *В день рождества Христова хозяину не годится со двора идти: овцы заблудятся.* Мотивировки запретов нередко метафоричны (*заешь память, пришьешь память*), содержат «демонологическую» лексику (*чёрт, лукавый, бес, диавол*), слова с семами 'смерть' (*смерть, умереть, покойник*), 'болезнь' (*лишаи, корча*), 'лишение' (*нищета*) и т. п. Отмеченные здесь лексико-синтаксические особенности текстов данного РЖ отражают их принадлежность к фольклорной речи. Интересно, что именно таким образом запреты представлены в русских сказках, где для этой цели «используется прохитив от глагола с конкретной семантикой: не бери, не трогай, не иди, затем следует указание возможного вреда в случае нарушения запрета (Не бери золотого пера; возьмешь – горе узнаешь...») [26: 53].

РЖ запрета и речевые акты запрета и предостережения

Запрет как РЖ, по нашим сведениям, не был предметом отдельного исследования. В диссертации Т. В. Русиновой исследуется речевой акт (РА) (но не РЖ – данные понятия в работе противопоставлены) *запрета*, с помощью которого «можно останавливать, предотвращать, предупреждать нежелательные для адресата и адресанта действия или события» [27: 3]. В общем та же коммуникативная цель свойственна и *запрету* как РЖ: «предотвращение угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний: болезни, смерти, голода, падежа скота, неурожая, засухи, градобития и т. п.» [9: 270]. Следовательно, текст *запрета* произносится до возможного нежелательного действия адресата. Однако он может произноситься и постфактум, чтобы добиться от адресата, нарушившего *запрет*, выполнения *предписания* (см. отмеченную выше историю из Интернета о парне и девушке, которой предписывалось сказать «Привет на сто лет!»).

Автор диссертации отмечает, что *запрет* может быть рассмотрен «как жанрообразующая единица жанра запрета или как элемент других жанров» [27: 7]. Условием реализации РА *запрета* в типических случаях является более высокий статус адресанта, который эксплицирует собственную волю [27: 6]. В речи чаще всего текст РЖ *запрета* озвучивается коммуникантом более высокого статуса, т. к. именно он является носителем и транслятором традиционных норм поведения и заинтере-

ресован в их соблюдении. В основном этот статус проявляется только в возрастных характеристиках, на что указывает частотность упоминания в приводимых выше примерах таких лиц, как *мать, бабушка*. Более высоким статусом наделен по отношению к единичному адресату и коллектив: особенно красноречиво это выглядит в приведенном выше примере о запрете купаться после Ильина дня, где источник табу обозначен словом «*говорят*». Наконец, более высоким статусом обладает и адресант, равный в социальном и возрастном отношении, но обладающий знанием о запрете (см. ту же историю о парне и девушке). Хотя более высокий статус адресанта вообще для данного РЖ необязателен: «*Не свисти, – слышу я голос жены. – Денег не будет*». (Д. Каралис. «Мы строим дом», 1987–2001). Важнее наличие общих фоновых знаний коммуникантов, не критическое отношение к нормам, ценностям и картине мира коллектива [20: 202–203].

РА *запрета* нередко реализуется с помощью перформативных глаголов (*Запрещаю тебе здесь находиться!*), РЖ *запрета* (в том понимании, какое вкладывается в него здесь) такой возможности не допускает, поскольку источником самого запрета (как обычая) является не адресант, а традиция того или иного коллектива. Все отмеченные особенности хорошо видны из фрагмента романа «Ненастье» А. Иванова (2015), где более опытный солдат учит более молодого правилам поведения на войне: «*Есть приметы – соблюдай их, и будет легче <...> Не брейся перед боевым выходом. Не фоткайся. Не прощайся за руку. Не говори “я пойду”, говори “меня послали”. Не говори “последний”, говори “крайний”*». В данном случае это не экспликация воли старшего, не приказ, но трансляция опыта (укажем и здесь на отмеченную выше квалификацию этого опыта как системы «примет»), или *предостережение*. Как раз о такого рода *запретах* («где речевой акт осуществляется в интересах адресата») Т. В. Русинова пишет, что они «могут приближаться» к *предостережению* [27: 9]. По-видимому, в основе РЖ *запрета* (*табу*) могут лежать РА и *запрета*, и *предостережения*, что зависит от статуса коммуникантов: первый случай характерен для ситуаций с более высоким статусом адресанта, где запрет категоричен (так родители, чтобы предотвратить игры с головным убором, внушали детям, что *его нельзя вращать на руке, иначе «голова закружится»*); второй случай характерен для ситуаций с равными по статусу собеседниками, где «указание на норму является проявлением мягкой степени императивности» [28: 29] (к примеру, приглашая другого вой-

ти в помещение и только тогда пожимая протянутую руку, мы предостерегаем обоих от нарушения известного запрета, озвучивая его. Кстати, такое озвучивание является в данной ситуации знаком вежливости, в сущности, косвенным РА).

Завершая разговор о соотношении РЖ запрета и РА запрета и предостережения, можно остановиться на решении, согласно которому данный РЖ может включать в свой состав в зависимости от ситуации какой-либо из этих двух РА; при этом сами эти РА могут быть признаны первичными РЖ запрета и предостережения. Тогда рассматриваемый в данной статье РЖ запрет (как вариант для снятия омонимии предлагаем вслед за авторами «Славянских древностей» использовать в скобках дополнительную номинацию *табу*, что подчеркнуто и в выборе именно данного слова для перевода названия РЖ на английский язык в заглавии статьи) необходимо будет признать вторичным РЖ (с одной стороны, отличающимся от первичного «сфе-

рой функционирования, или стилистической обработкой» [29: 167]; с другой стороны, включающим первичный РЖ в свой состав [29: 170]; наконец, в силу его возможности быть косвенным РЖ [29: 172]).

Заключение

Как уже отмечалось, за каждым РЖ стоит свой концепт; РЖ является частью определенной картины мира. Если в сравнении с картиной мира, соответствующей представителю народной речевой культуры, суеверий сегодня стало в целом меньше, но многие из традиционных *запретов* соблюдаются и поныне (в некоторых случаях, как было показано выше, теряя *мотивировку* и наиболее архаичные лексические элементы). Поэтому РЖ *запрета (табу)* является, несмотря на изменения во внешне- и внутрикультурной парадигме, заметной частью «речевой картины современности» [19] и вообще русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головина Э. Д. *Крайний или последний?* // Русская речь. 2014. № 4. С. 59–64.
2. Сенчикова Е. П. *Словарь эфемизмов русского языка*. 2-е изд. М.: Наука, 2016. 460 с.
3. Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 69–71.
4. Бахтин М. М. *Проблема речевых жанров* // Бахтин М. М. *Собрание сочинений*: в 5 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997. С. 159–206.
5. Борисова И. Н., Корх С. С. *Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код* // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. С. 332–345.
6. Толстая С. М. *Заговор* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 239–244.
7. Смирнов Ю. П. *Передача, исполнение и запоминание заговоров на русском севере* // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М.: Наука, 1988. С. 53–55.
8. Даль В. И. *Пословицы и поговорки русского народа*: в 2 т. Изд. 2-е. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1879. 685 + 638 с.
9. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. *Запреты (табу)* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 С. 269–273.
10. Толстая С. М. *Речевые акты и речевые жанры в фольклоре* // Живая старина. 2015. № 4. С. 20–23.
11. Слышкин Г. Г. *Речевой жанр: перспективы концептологического анализа* // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: ИЦ «Наука», 2005. С. 34–49.
12. *Русская грамматика* / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 2: Синтаксис. 714 с.
13. Добрушина Н. Р. *Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения* // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
14. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. *Косвенное выражение побуждения: общекоммуникативные постулаты или языковые конвенции?* // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 103–110.
15. Толстая С. М. *Смерть* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 58–71.
16. Сидоренко А. В. *Детская клятва в советскую эпоху: речежанровые характеристики* // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 76–82.
17. Масленникова Л. А. *Основание императивного высказывания (на материале английского и русского языков)* // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 18–22.
18. Толстая С. М. *Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике*. М.: Либроком, 2010. 368 с.
19. Дементьев В. В. *Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи* // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
20. Коновалова Н. И. *Сакральный текст как лингвокультурный феномен*. 2-е изд. Екатеринбург: УГПУ, 2007. 298 с.
21. Агапкина Т. А., Белова О. В. *Примета* // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. /

под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4 С. 279–280.

22. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

23. Гура А. В. Паук // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 646–648.

24. Борисов С. Б. Русское детство XIX – XX вв. : культурно-антропологический словарь : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. Т. 2. 829 с.

25. Хазова О. Н. Неопределенно-личные предложения и выражение побуждения в современном русском языке // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 124–128.

26. Найдич Л. Э. Императив в русской волшебной сказке // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 49–53.

27. Руссинова Т. В. Особенности функционирования запрета (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 21 с.

28. Сухих О. А. Категория императивности в речевом общении // Функционально-типологические аспекты анализа императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений / под ред. Л. А. Бирюлина, В. С. Храковского. М.: Ин-т языкознания АН СССР; Л.: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1990. С. 27–31.

29. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

REFERENCES

1. Golovina E. D. Krajniji or posledniji? *Russian speech*, 2014, no. 4, pp. 59–64 (in Russian).

2. Senichkina E. P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian euphemisms]. Moscow, Nauka Publ., 2016. 460 p.

3. Krysin L. P. Ob odnoj lakune v sisteme funkcionel'nyh stilej sovremenno go russkogo yazyka [On one lacuna in the system of functional styles of the modern Russian language]. *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school], Moscow, 1994, no. 3, pp. 69–71 (in Russian).

4. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobraniye sochinenii : v 5 t. T. 5* [Collected words : in 5 vols], Vol. 5. Moscow, Russkiye Slovarei Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).

5. Borisova I. N., Korh S. S. Pragmaticheskiy potencial zhanra zagovora : cvetovoj kod [Pragmatic potential of the conspiracy genre : color code]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. art.]. Saratov, 2007, iss. 5, pp. 332–345 (in Russian).

6. Tolstaya S. M. Zagovor [Spell]. *Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheskiy slovar' : v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities : Ethnolinguistic dictionary], vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, pp. 239–244 (in Russian).

7. Smirnov Yu. P. Peredacha, ispolnenie i zapominanie zagovorov na russkom severe [Transfer, execution and memorization of spell in the Russian north]. In: *Etnolingvistika teksta. Semiotika malyh form fol'klora. I. Tezisy i predvaritel'nye materialy k simpoziumu* [Ethnolinguistic of text. Semiotics of small forms of folklore. I. Abstracts and preliminary materials for the symposium]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 53–55 (in Russian).

8. Dal' V. I. *Posloviy i pogovorki russkogo naroda : v 2 t. Izd. 2-e.* [Proverbs and sayings of the Russian people : in 2 vols]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg, Izd. M. O. Vol'fa, 1879. 685 + 638 p. (in Russian).

9. Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. Zaprety (tabu) [Taboo]. *Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheskiy slovar' : v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities : Ethnolinguistic dictionary], vol. 2, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, pp. 269–273 (in Russian).

10. Tolstaya S. M. Speech acts and speech genres in folklore. *Living antiquity*, 2015, no. 4, pp. 20–23 (in Russian).

11. Slyshkin G. G. Rechevoj zhanr : perspektivy konceptologicheskogo analiza [Speech genre : perspectives of conceptual analysis]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st.* [Speech Genres : coll. of sci. art.], Saratov, ITs "Nauka", 2005, iss. 4, pp. 34–49 (in Russian).

12. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [ed. N. Yu. Shvedova. Russian grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 714 p. (in Russian).

13. Dobrushina N. R. Grammatical forms and constructions with the meaning of apprehension and caution. *Voprosy Yazykoznanija*, 2006, no. 2, pp. 28–67 (in Russian).

14. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. Kosvennoe vyrazhenie pobuzhdeniya : obshchekommunikativnye postulaty ili yazykovye konvencii? [Indirect imperative : general communicative postulates or language conventions?]. In: *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky, Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznanija, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 103–110 (in Russian).

15. Tolstaya S. M. Smert' [Death]. *Slavjanskije drevnosti : Jetnolingvisticheskiy slovar' : v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities : Ethnolinguistic dictionary], Vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012, pp. 58–71 (in Russian).

16. Sidorenko A. V. Children's oath in the soviet era : speech genre characteristics. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78 (in Russian).

17. Maslennikova L. A. Osnovanie imperativnogo vyskazyvaniya (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) [The basis of the imperative sentence (on the material of English and Russian languages)]. In: *Funkcional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznanija, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 18–22 (in Russian).

18. Tolstaya S. M. *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury : Ocherki po slavyanskoj etnolingvistike* [Semantic categories of culture language : Essays on Slavic eth-

nolinguistics]. Moscow, Librokom Publ., 2010. 368 p. (in Russian).

19. Demytyev V. V. "Speech genre" theory and actual processes in contemporary speaking. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).

20. Konovalova N. I. *Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen. 2-e izd.* [Sacred text as a linguocultural phenomenon. 2nd ed.]. Ekaterinburg, Ural'sky gos. ped. un-t, 2007. 298 p. (in Russian).

21. Agapkina T. A., Belova O. V. Primeta [Omen]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], Vol. 4. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 279–280 (in Russian).

22. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

23. Gura A. V. Pauk [Spider]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [N. I. Tolstoy, ed. Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary], Vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 646–648 (in Russian).

24. Borisov S. B. *Russkoe detstvo XIX–XX vv.: kul'turno-antropologicheskiy slovar': v 2 t.* [Russian childhood of the XIX–XX centuries: cultural and anthropological dictionary: in 2 vols.], vol. 2. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2012. 829 p. (in Russian).

25. Hazova O. N. Neopredelenno-lichnye predlozheniya i vyrazhenie pobuzhdeniya v sovremennom russkom yazyke [Indefinite-personal sentences and expression of imperative in contemporary Russian]. In: *Funktional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa.*

Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznaniiya, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 124–128 (in Russian).

26. Najdich L. E. Imperativ v russkoj volshebnoj skazke [Imperative in Russian fairy tale]. In: *Funktional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznaniiya, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 49–53 (in Russian).

27. Russinova T. V. *Osobennosti funkcionirovaniya zapreta (na materiale russkogo i anglijskogo yazyka)* [Features of the functioning of the prohibition (on the material of Russian and English)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2006. 21 p. (in Russian).

28. Suhii O. A. Kategoriya imperativnosti v rechevom obshchenii [Imperative category in speech communication]. In: *Funktional'no-tipologicheskie aspekty analiza imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nyh predlozhenij* [eds. L. A. Birulin, V. S. Hrakovsky. Functional and typological aspects of the analysis of the imperative. Part 2. Semantics and the pragmatics of imperative sentences]. Moscow, In-t yazykoznaniiya, Leningrad, Leningr. otd-nie, 1990, pp. 27–31 (in Russian).

29. Demytyev V. V. *Teoriya rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сидоренко А. В. Запрет в системе речевых и фольклорных жанров // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 100–109. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>

For citation

Sidorenko A. V. The Taboo in the System of Speech and Folklore Genres. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 100–109 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-100-109>

Поступила в редакцию: 21.07.2019 / Принята: 20.10.2019 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 21 July 2019 / Accepted: 20 October 2019 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)